

О влиянии Православия на русскую жизнь. Глава из книги «Отец Арсений»

Жизнь и работа в лагерях нечеловеческая, страшная. Каждый день к смерти приближает и часто года вольной жизни стоит, но, зная это, не хотели заключенные, не желали умирать духовно, пытались внутренне бороться за жизнь, сохранить дух, хотя это и не всегда удавалось.

Говорили, спорили о науке, жизни, религии, иногда читали лекции об искусстве, научных открытиях, устраивали маленькие литературные вечера, воспоминания, читали стихи.

На общем фоне жестокости, грубости и сознания близкой неизбежной смерти, голода, крайней степени истощения и постоянного присутствия уголовников это было поразительно.

“Особый” жил страхом, насилием, голодом, но заключенные часто стремились найти друг в друге поддержку, и это помогало жить.

Авсеенков, наблюдая жизнь заключенных, пришел к выводу, что в среднем больше двух лет редко кто выживал в “особом”, и думал: а сколько еще осталось ему? В зависимости от волны арестов в барак попадали инженеры, военные, церковники, ученые, артисты, колхозники, писатели, агрономы, врачи, и тогда в бараке невольно возникали “землячества”, состоящие из людей этих профессий.

Все были забиты, но тем не менее можно было видеть желание этих людей не забыть своего прошлого, своей профессии. Все вспоминалось в совместных разговорах.

Особенно жаркими были споры, возникавшие по любому поводу, люди горячились, старались доказать только свое, при этом каждый говорил так, как будто от его доказательства зависит исход любых событий и решений.

Отец Арсений в спорах не участвовал, ни к кому не примыкал, был со всеми общителен и ровен. Начнется спор, а о. Арсений отойдет к своему лежаку, сядет на него и начнет про себя молиться.

Интеллигенция барака относилась к о. Арсению снисходительно. “Одно слово попик, да еще притом весьма серенький, добрый, услужливый, но культуры внутренней почти никакой нет, потому так и в Бога верит, другого-то ничего нет за душой”. Такое мнение было у большинства. Случилось как-то, что собралось в бараке человек десять-двенадцать художников, писателей, искусствоведов, артистов.

Придут, бывало, с работ, в “столовую” сбегают, отдохнут, пройдет поверка, запрут барак, ну и начинаются разговоры: о театре, литературе, медицине, искусстве, – оживятся, спорят.

Как-то зашел разговор о древней русской живописи и архитектуре, и один заключенный высокого роста, сохранивший даже в лагере барственную осанку и манеры, с большим апломбом и жаром рассуждал об этих предметах. Собравшиеся с большим интересом слушали его.

Говорил “высокий” веско, со знанием дела и удивительно утвердительно. Во время разговора этого проходил мимо собравшихся о. Арсений, а “высокий”, как оказалось впоследствии, искусствовед и профессор, снисходительно обратился к о. Арсению:

“Вы, батюшка, очень верующий и духовного звания, так не скажите ли нам, как Вы оцениваете связь православия с древней русской живописью и архитектурой, и есть ли такие связи?” Сказал и улыбнулся. Все окружающие засмеялись. Сидевший невдалеке Авсеенков и слышавший этот разговор тоже невольно улыбнулся.

Таким нелепым показался всем этот вопрос, заданный о. Арсению. Кто пожалел его, а кто и захотел посмеяться.

Все отчетливо понимали, что этот простецкий попик, каким был о. Арсений, ничего не ответит, не сможет ответить, так как ничего не знает. Понимали, что вопрос издевательский. Отец Арсений куда-то шел, остановился, вопрос выслушал, усмешки заметил и сказал:

“Сейчас, я сейчас, только вот дело доделаю”, – и побежал дальше.

“А попик-то не дурак, от срама сбежал”. “Да, русское духовенство всегда было некультурным”, – бросил кто-то фразу.

Минут через десять к группе интеллигентов подошел о. Арсений и, прервав лекцию “высокого”, сказал:

“Кончил я дела свои, прошу Вас повторить вопрос”. Профессор посмотрел на о. Арсения так, как он, вероятно, оглядывал невежд, неучей-студентов, и размеренно произнес:

“Вопрос, батюшка, довольно простой, но интересный. Как Вы, представитель русского духовенства, расцениваете влияние православия на древнерусское изобразительное искусство и архитектуру? Хотелось бы услышать.

О сокровищах Суздаля, Ростова Великого, Переяславля Залесского, Ферапонтовом монастыре, возможно, слышали? Иконы Владимирской Божией Матери и Троицу Рублева, вероятно, по церковным литографиям знаете, так вот и скажите, как оцениваете все это с точки зрения связей”.

Вопрос был профессорский, и все это поняли, и у большинства мелькнула мысль, что не надо было задавать его такому простецкому, но доброму попику. Ясно, что не ответит, по одному виду определишь.

Отец Арсений как-то выпрямился, даже внешне изменился и, взглянув на профессора, произнес:

“Взгляд на влияние православия на русское изобразительное искусство и архитектуру существует самый различный. Много по этому поводу высказано разных мыслей, и Вы, профессор, по этому поводу много писали и говорили, но ряд Ваших положений глубоко ошибочен, противоречив и, откровенно говоря, конъюнктурен. То, что Вы сейчас говорили, значительно ближе к истине, чем то, что Вы так пространно излагали в статьях Ваших и книгах.

Вы считаете, что русское изобразительное искусство развивалось только на народной основе, почти отрицаете влияние на него православия и в основном придерживаетесь мнения, что только экономические и социальные факторы, а не духовное начало русского народа и благотворное влияние христианства оказали на него влияние – на живопись и архитектуру. Лично я, профессор, держусь другого мнения о путях развития древней русской живописи и архитектуры, так как считаю, что влияние православия было решающим фактором на русский народ и его культуру, начиная с десятого по восемнадцатый век.

Восприняв в десятом веке византийскую культуру, русское духовенство, русское иночество понесло, передало ее в виде книг, живописи – икон, первых образцов возведенных греками храмов, строя богослужения, описания житий святых, – русскому народу, и это все оказало решающее влияние на дальнейшее развитие всей русской культуры.

Вы упомянули икону Владимирской Божией Матери, а разве этот образ, как и другие произведения живописи, пришедшие к нам от греков, не явились той основой, на которой в дальнейшем расцвели иконопись и живопись?

Любое творение русской иконописной школы неразрывно связано с душой художника-христианина, с душой верующего, прибегающего к иконе как к духовному символическому изображению Господа, Матери Божией или святых Его.

Русский человек приходил к иконе не как к идолу, а как к символу, в котором видел, подразумевал и представлял духовно и внутренне образ, запечатленный в виде изображения. В этом овеществленном символе видел православный образ того, к кому прибегала душа его в горестной или радостной молитве. Русский иконописец с молитвой и постом запечатлевал образ Господа, Божией Матери и святых, и недаром русский народ хранит много прекрасных и дивных преданий о том, как создавались иконы, и верит, что рукою художника-иконописца водил ангел Господень, а не сам иконописец.

Русский иконописец древний никогда не подписывал именем своих икон, ибо считал, что не рука, а душа его с благословения Божия создавала образ, а Вы во всем видите влияние социальных и экономических предпосылок.

Взгляните на нашу древнюю икону Божией Матери и западную Мадонну, и Вам сразу бросится в глаза огромная разница.

В наших иконах духовный символ, дух веры, знамение православия; в иконах Запада дама – женщина, одухотворенная, полная земной красоты, но в ней не чувствуется Божественная Сила и благодать, это только Женщина.

Взгляните в глаза Владимирской Божией Матери, и Вы прочтете в них величайшую силу духа, веру в безграничное милосердие Божие к людям, надежду на спасение”.

Отец Арсений воодушевился, как-то весь переменялся, распрямился и говорил ясно, отчетливо и необыкновенно выразительно.

Называя иконы, давая пояснения, он раскрыл душу русской древней живописи и, перейдя к архитектуре, на примерах Ростова Великого, Суздаля, Владимира, Углича и Москвы показал связи ее с православием.

Ответ свой о. Арсений закончил словами: “Строя церкви, русский человек во Славу Бога заставил петь камень, заставил его рассказывать христианину о Боге и прославлять Бога”.

Говорил о. Арсений часа полтора, и слушавшая его группа интеллигентов замерла. Профессор потерял свой полунасмешливый и барственный вид, съезжился как-то весь и спросил:

“Простите! Откуда Вы знаете труды мои и русскую древнюю живопись и архитектуру? Где изучали? Ведь Вы священник?”

“Любить надо Родину свою и знать ее. Надо, как изволили сказать о духовенстве, чтобы попик понимал душу русского искусства и, будучи пастырем душ человеческих, показывал им правду и истину в их незапятнанном виде, ибо, профессор, многие люди, и Вы в том числе, облачают измышлением и ложью самое святое, что есть у человека. Делается это ради выгоды или политических, временно возникающих установок и взглядов, ради социального заказа”.

Профессор еще более переменялся и спросил: “Кто Вы? Фамилия Ваша?”

“В миру был Стрельцов Петр Андреевич, а сейчас о. Арсений, как и Вы, заключенный “особого”. Профессор подался вперед и с трудом проговорил:

“Петр Андреевич! Извините меня, извините. Не думал, не мог предполагать, что известнейший искусствовед, автор многих исследований и монографий по истории русской древней живописи и архитектуры, учитель многих и многих, встретится со мною здесь под видом священника и я задам ему глупый вопрос.

Несколько лет не было слышно о Вас, только статьи и книги рассказывали Ваши мысли, и я еще год тому назад вступал с Вами в полемику, лично не зная Вас. Как Вы, известнейший ученый, стали духовным лицом?”

“Потому и стал о. Арсением, что вижу и ощущаю Бога во всем и, будучи о. Арсением, особенно понял, что попику надо много знать. А если говорить о русских попах, то Вы должны знать, что они были той силой, которая собрала в XIV и XV веках русское государство воедино и помогла русскому народу сбросить татарское иго.

Действительно, в XVI-XVII веках стало морально падать русское духовенство, и только отдельные светочи русской церкви озаряли ее небосклон, а до этого было оно главной силой Руси”.

Сказал и пошел, а профессор и все стоящие, и в том числе Авсеенков, остались стоять, пораженные и удивленные.

“Вот тебе и попик блаженненький, товарищи!” – произнес кто-то из слушавших интеллигентов, и все стали молча расходиться.

Авсеенков заметил, что с этого момента интеллигенция барака и лагеря стала смотреть и относиться к о. Арсению совершенно по-другому. Понятия Бог, наука, интеллигент для многих стали сближаться. Авсеенков, бывший старым идейным коммунистом и почти фанатично веривший в идеи марксизма, в первый год жизни в “особом” пытался жить обособленно от окружающих его людей, потом сблизился с некоторыми из них, но, увидя, что мысли бывших коммунистов в основном были направлены только на желание вернуться к прежней удобной жизни и совершенно были свободны от идеи добиться справедливости и бороться против произвола Сталина, отошел от этих людей.

Свою прежнюю жизнь Авсеенков пересмотрел и понял, что давно растерял идеи, и их заменили приказы, стандартные прописные истины и циркуляры. Связь с живым народом, массой людей он утерял, доклады и газетные статьи – вот что заменило ему живого человека.

Соприкасаясь с заключенными, увидел Авсеенков жизнь подлинную, невыдуманную, настоящую. К о. Арсению тянулся Авсеенков, необычное отношение ко всем без различия людям, сердечность, доброта, постоянно оказываемая всем помощь в любых ее формах и, как теперь он узнал, глубокая интеллигентность и образованность покорили его.

Беспредельная вера в Бога, постоянная молитва вначале отталкивали его от о. Арсения, но в то же время что-то необъяснимо притягивало его.

С о. Арсением чувствовал он себя хорошо, трудности, тоска, лагерный гнет сглаживались. Почему? Он не понимал.

Сазиков Иван Александрович оказался старым известным уголовником. Был он человек властный, жесткий, уголовную братию знал хорошо и вскоре подчинил себе весь барак и, конечно, установил связь со всеми уголовниками лагеря. Слово его было законом, боялись его, но в дела барака вмешивался он мало и как бы стороной.

В первые месяцы после своего выздоровления отдалился он от о. Арсения и вроде бы замечать не стал, но, повредив как-то себе сильно ногу, пролежал пять дней в бараке, рана стала загнивать, и создалась опасность потери ноги. Освобождение продолжали давать, но положение не улучшилось, и вторично выходил Сазикова о. Арсений.

Попробовал Сазиков дать о. Арсению подачку, но о. Арсений, улыбнувшись, сказал: “Не ради вознаграждения Вам делаю, а ради Вас – человека, ради Вас самого”.

Помягчал Сазиков к о. Арсению, мимоходом вроде бы и о своей жизни рассказывал, а однажды вдруг сказал: “Не верю я людям, а попам, говорят, и совсем верить нельзя, а Вам, Петр Андреевич, верю. Не продадите. В Боге своем живете, добро делаете не для своей выгоды, а ради людей. Мать у меня такая же была!” Сказал и пошел.

Записано по воспоминаниям Авсеенкова Александра Павловича, рассказам Сазикова Ивана Александровича и ряда других людей, бывших в то время в лагере.

Глава «Попик» из книги «Отец Арсений»